ФИЛОСОФИЯ

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник НИИ интеллигентоведения ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Артур Шопенгауэр «об «учености и ученых»: штрихи к интеллектуальному портрету сквозь призму эпох

Настоящая статья посвящена творчеству выдающегося мыслителя, крупнейшего представителя послекантовского идеализма Нового времени Артура Шопенгауэра и является продолжением научно-теоретических изысканий в области истории зарубежной философии. Опираясь на уже существующий историографический задел, автор предпринял попытку дополнить интеллектуальный портрет мыслителя, проанализировать его воззрения, идейно-концептуальное видение гносеологического процесса как продукта научно-исследовательской, академической коммуникации. Предметом исследования в статье становятся критические суждения Шопенгауэра, выносимые на основании его собственного опыта взаимодействия с академической средой в отношении «республики ученых» и атмосферы творческой, интеллектуальной активности. Последняя приобретала особую направленность и специфику под влиянием негативных факторов – конвенционализма, морального релятивизма, утилитарного прагматизма, приводивших к подмене объективной истины часто-индивидуалистической, дискурсивной догматикой, выступающих признаками псевдоучёности.

Ключевые слова: Артур Шопенгауэр, «республика ученых», истина, интеграция различий, научная коммуникация, познание, конвенционализм, релятивизм, партикуляризм, прогрессизм, историцизм, эквивокация.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».

Пойми ясно и отчетливо *ничтожество людей* вообще, затем ничтожество твоего века, и в особенности *немецких ученых*, и тогда тебе не придется уже стоять с твоим произведением в руках и спрашивать: «Кто же из нас помешался: человечество или я?»

(Артур Шопенгауэр) [6, т. 6, с. 183]

Среди мыслителей, философов Нового времени яркой фигурой, заметно выделяющейся не только фоне своих современников, но на всем интеллектуальном про-

странстве в его метаисторическом выражении в целом, является Артур Шопенгауэр (1788-1860). Его идейные воззрения, характер, образ жизни всегда подвергались и продолжают подвергаться парадоксальной оценкам. Многие философы, представители художественной интеллигенции, общественные деятели такие, как И.С. Тургенев, А.А. Фет, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, В.Ф. Асмус и другие [11] признавали литературно-философские дарования, редкое глубокомыслие, искренность и проникновенность суждений Шопенгауэра, всегда отличавшихся самобытностью, оригинальностью, независимостью, содержательной насыщенностью, сочетавших в себе взвешенность и благожелательность житейских наблюдений, адресованных широкой аудитории, и – жесткую и последовательную идейную непримиримость к лжефилософии и различного рода мистификациям, интеллектуальным спекуляциям – гипостазированию, выведению «фактов» из выдуманных абстракций, «когда под именем философии… преподносят кучу совершенно извращенных мыслей, учение о тождестве бытия и небытия, набор слов, от которого голова идет кругом, словесную мешанину, которая напоминает сумасшедший дом и к тому же – разукрашена чертами грубого невежества и колоссальной глупости…» [6, т. 4, с. 131]

В то же время, для большинства почитателей творчества Шопенгауэра его влияние на собственный интеллектуальный и жизненный путь не простиралось далее полуформальной констатации его проницательности в ряде вопросов, что воспринималось не более, чем просто полезным и поучительным. Как верно отмечал Е.А. Торчинов, «Вообще судьба оказалась крайне несправедливой к автору “Мира как воли и представления”: за периодом полного игнорирования последовал период несколько сомнительной славы, смешанной с анекдотами о спущенных с лестницы старушках, а затем и почти полное забвение, растворившее Шопенгауэра в тени Ницше». Между прочим, подчеркивал он, «система Шопенгауэра – это еще одна попытка последнего прыжка через бездну кантовского отрицания традиционной метафизики. Поистине, именно Шопенгауэр был последним философом в классическом смысле, то есть человеком, дерзавшим объяснять мир. “Я постиг тайну мира!” – после Шопенгауэра ни один серьезный философ не будет на это претендовать. Поэтому при всем мнимом иррационализме (это в любом случае не методологический иррационализм) Шопенгауэр оказывается последним рыцарем гносеологического идеала и философских чаяний Декарта, Спинозы и Лейбница» [4, с. 4-5].

Причины того, что Шопенгауэр в интеллектуальном сообществе стал своеобразным аутсайдером, «persona non grata», достаточно просты и очевидны. Прежде всего, речь идет о категорическом неприятии пессимистических взглядов А. Шопенгауэра, который смело разоблачал и развеивал весь сентиментально-инфантильный, оптимистический пафос квазифилософов, указывая на печальную суть мироздания. «Нашу жизнь, – писал он, – можно также рассматривать как эпизод, бесполезно нарушающий душевный покой абсолютного ничто» [6, т. 5, с. 233], поскольку она представляла собой, согласно его учению, изнурительную, мучительную и жестокую борьбу за существование, постоянное лавирование и фланирование в бурном потоке эмпирического становления, вынуждающего к выработке изощренных хищническо-эгоистических навыков, чтобы ухватить мгновенно ускользающий иллюзорный «островок стабильности», заключающейся в достижении мыслимого уровня довольствия и благосостояния.

То, что бытие не только антропогенной цивилизации, но и всего мира, органической и неорганической природы, представляет собой не более, чем бессмысленное и тщетное *воление,* неконтролируемый, слепо направленный импульс жизни, проистекающий в своих индивидуальных воплощениях, из верховного «источника», породившего всю эту эмпирическую реальность (мир явлений) – ***воли как имманентной миру субстанции, вещи в себе (здесь и далее жирный курсив наш. – К.Ю.)*** – подобных трансцендентально-идеалистических умозаключений не могли простить Шопенгауэру ни философы, ни теологи.

Первые всегда были полностью увлечены в корне ложной и абсурдной идеей перманентного прогресса, заключающегося в триумфе человеческого разума, якобы обладающего настолько мощным потенциалом и перспективами, что позволило бы перепрыгнуть, обойти имманентную сущность, и в недалеком будущем привести к рождению «нового типа» человека – социалистического, национал-социалистического или даже «сверхчеловека», выступающего носителем качественно иной морали, системы ценностей, иллюстрирующей раскрытие «ноосферного сознания» [3], или иных идеологических, субъективно-индивидуалистических установок, вселенных в эти фантастические типы их создателями.

Вторым любыми доступными способами и схоластическими ухищрениями во что бы то ни стало требовалось доказать всемогущество изобретенных ими богов и, соответственно, оправданность всех их «творений». Но, как резонно отмечает Шопенгауэр, «бог в Новой философии – это тоже самое, что последние франкские короли при мажордомах: пустое имя, которое удерживают, чтобы тем удобнее и невозбраннее делать свое дело» [6, т. 6, с. 145]. И далее: «У дураков, которые в наши дни пишут философские сочинения, есть глубочайшее и твердое убеждение, в котором они и не думают сомневаться, – убеждение, что последний пункт и цель всякого умозрения – это познание бога, между тем как на самом деле эта цель не что иное, как познание собственного «я» [6, т. 6, с. 153].

Второй момент, причина игнорирования, замалчивания и даже отторжения шопенгауэровской эйдетики связаны с самими способами философствования и инструментально-методологическим сопровождением и целевой мотивацией этого процесса, понимание которого также кардинально и принципиально было различным у Шопенгауэра и других мыслителей.

По Шопенгауэру миссия ***подлинного философа*** могла заключаться только в бескорыстном и искреннем служении и распространении истины; философ выступал своеобразным «художником бытия», идущим по «высокой альпийской дороге» философии, к «отысканию чего-то глубоко скрытого, отличного от мира, закрытого им и лежащего в его тени» [6, т. 6, с. 3,6]. При этом философствование рассматривалось им как естественно-органический процесс самоактуализации, обусловленной вдохновением и «озарением» – редкими и исключительными моментами, вспышками сознания в ходе непрерывного интеллектуального миросозерцания. «Под моими руками, – писал он, – или, правильнее, в моей душе, вырастает некое творение, некая философия, которая должна этику и метафизику соединить в одно, между тем как их до сих пор неправильно разделяли, как неправильно разделяли человека на душу и тело…Я замечаю один член, один сосуд, один орган за другим, т.е. я записываю свои мысли, не заботясь о том, что насколько они подойдут к целому, ибо я знаю, что все возникло у меня из единой основы. Так создается органическое целое, а лишь такое может жить» [6, т. 6, с. 213-214].

«Действительные философы, – поясняет Шопенгауэр, – домогаются *уразумения*, притом ради него самого: ибо они пламенно желают во что бы то ни стало уяснить себе мир, в котором они находятся, а не думают о том, чтобы учить и пустословить... [6, т. 6, с. 121]. В то время, как псевдофилософы, как правило, являющиеся, «профессорами философии», занимаются ей исключительно ради материального довольствия, собственного обеспечения и своей семьи, иными словами, этот род деятельности для них ни что иное, как «бизнес», источник дохода, который только в том случае будет выполнять свою функцию по «кормлению», если философствующий филистер будет успевать находиться в «тренде», популяризировать и рекламировать «бренды», искусно лавировать и поддерживать «дискурс» и искусственно скомбинированные в систему концепции, доктрины, объявленные в результате сговора, конвенции в научных кругах на текущий момент времени «истинными» и актуальными, работающими на легализацию всех даже в корне абсурдных и патологических изменений, исходящих от властных структур [См.: 12].

Именно о таких циничных дискурсивных играх, воинствующем и беспринципном релятивизме, эгоистическом инди-

видуализме на почве врожденного конформизма упоминает Шопенгауэр в очерке ***«Об университетской философии»,*** давая нелестную характеристику типичному ее представителю – ученому мужу, прочно связанному с академической средой: «Профессору философии и голову не приходит исследовать вновь появляющуюся систему с точки зрения ее истинности – он тотчас же обращает все свое внимание на то, может ли она быть согласована с учением государственной религии, с видами начальства и с господствующими воззрениями эпохи. Сообразно с этим он и решает ее судьбу» [6, т. 4, с. 114].

В силу обозначенных причин идейное наследие Шопенгауэра оказалось на периферии, а сам мыслитель остался в памяти лишь как «реакционер-мизантроп». Сам Шопенгауэр такое отношение принимал спокойно и рассудительно, считал его временным и преходящим, обусловленным духом эпохи, а также банальным парадоксом, когда устный пафос одобряется, а письменные, теоретические выводы отторгаются из-за непривычности заурядного сознания к обнаженному и звонкому голосу истины, не скрытой в сумраке аллегорий или приглушенной в общем хоре невежественных мнений… Поэтому был убежден в том, что наступит черед и для его философии, которая станет достойной альтернативой религиозному догматизму. «Мне пришлось выслушать, – в частности писал он, – много порицаний за то, что я, философствуя, т.е. теоретически, изобразил жизнь полной горя и далеко не привлекательной: но ведь тот, кто на практике обнаруживает самое решительное к ней пренебрежение, встречает похвалы и даже удивление, – того же, кто усиленно заботится о ее сохранении, презирают» [6, т. 4, с. 103]. И в том же месте: «Теисты хотят соответствия между тем, что кто-то делает, и тем, что он претерпевает; я – тоже. Но у них оно осуществляется лишь с течением времени и с помощью судьи и воздаятеля; я, напротив, считаю его непосредственным, усматривая одну и ту же сущность, как в действующем, так и в страдающем». Таким образом, заключал Шопенгауэр, «моральные выводы христианства, вплоть до высшего аскетизма обоснованы у меня рационально и в связи с общим строем вещей, между тем как в христианстве основою их служат простые легенды. Вера в эти последние с каждым днем исчезает все более и более; вот почему люди и должны буду обратиться к моей философии…» [6, т. 4, с. 103]. Остается только констатировать, что Шопенгауэр недооценил жизнеспособность религиозного мировоззрения, но, как и все подлинные ученые, мыслители, сохранял незыблемую верность идеалам разумного и должного.

Можно согласиться с позицией А.А. Чанышева, отмечавшего, что пессимизм А. Шопенгауэра, в то же время, является и «философией надежды» [5, с. 30], поскольку для него единственную ценность приобретали подлинные знания о сущности мироздания, открывающие путь к спасению [6, т. 2, с. 534-539], заключающийся в ***квиетизме*** – перевороте воли и ее отрицании после осознанной ***резинъяции*** – перехода от собственного страдания в результате рефлексии и уразумения коэкзистенциальности – к ***состраданию*** по отношению к тем индивидам/личностям, претерпевающем общую для все субъектов эмпирической реальности боль. И даже радикально-консервативный вывод о полной бессмысленности бытия, представляющего собой бесцельное воление, вечное становление, бесконечный поток – existential fluxa (текучее существование) [6, т. 5, с. 225], чередование страдания от неудовлетворения возникающих потребностей и скуки, тем не менее это, если следовать логике Шопенгауэра, вовсе не должно было служить препятствием для интеллектуальной активности и процесса познания как такового, повышенная интенсивность которого могла приводить к эпизодическим победам над волей.

Как неоднократно разъяснял Шопенгауэр, в основном своем сочинении, а также многочисленных дополнениях (парергах и паралипоменах), несмотря на безусловный и абсолютный примат воли, ее первичности как метафизического начала и верховенства над принадлежащим к вторичному миру явлений, обладающим физическим происхождением интеллектом, по этой причине подверженным быстрому утомлению, тем не менее в процессе безраздельного господства

воли интеллект способен проделывать временные бреши. Это становится возможным, когда в ходе ***эстетического миросозерцания (контелампции***), индивид становится ***«чистым субъектом познания»,*** происходит временное «обособление познания над волением» [6, т. 2, с. 233]. На двусмысленность учения А. Шопенгауэра обращал внимание тот же А.А. Чанышев, который писал, что «с одной стороны, по Шопенгауэру, “мы сами деятели своих деяний”; нет первой причины и последней цели, не существует провидения. С другой – изначальная воля как бы программирует необходимость и возможность морального (через интеллектуальное прозрение – К.Ю.) освобождение человека» [5, с. 31-32].

Несмотря на такую амбивалентность, двойственность философии Шопенгауэра, предусматривающей своеобразное состязательное сосуществование между априори неравными, находящимися в строго детерминированной иерархии силами, выступающими взаимосвязанными коррелятами, когда весь организм, в том числе и мозг и его функция – познание /мышление – являются результатом и непрерывным преемственным процессом «объективацией воли», а сам интеллект выступает лишь прикладным инструментом, предназначенным для того, «чтобы указывать воле ее ничтожные цели» [6, т. 2, с. 238-239], воспринимать мотивы извне, тем самым, полностью служить ей, – в то же время этот метафизический порядок вовсе не является препятствием для постоянного совершенствования интеллекта и его возможностей, которые открываются перед ним, представляя истинное наслаждение для познающего существа. «Чем выше поднялось сознание в своем развитии, – писал Шопенгауэр, – тем отчетливее и согласованнее мысли, тем яснее созерцание, тем глубже ощущения» [6, т. 2, с. 235].

Поэтому, безусловно, искреннее тяготение к познанию, стремление хотя бы приблизиться к проникновению в суть вещей, настолько, насколько это позволяет их отражение в зеркале эмпирической реальности, вдохновило Шопенгауэра выступить еще в одной ответственной миссии – как историка философии (этому аспекту посвящена наша отдельная, ожидающая своего появления на свет работа. См. [7] – К.Ю.) и критика научно-академического, интеллектуального сообщества в целом, или лучше сказать, независимого эксперта, предпринявшего попытку сосредоточиться на самом главном и существенном, а именно – на «классических», встречающихся в метаисторическом выражении, имманентно-субъективных патологических искажениях гносеологического процесса, обусловленных индивидуальной природой и направленностью мышления, проявляющейся у различных типов личностей и их генераций, составляющих академическую корпорацию, «республику ученых».

Осуществляя системную критику «состояния умов», к числу самых тяжелейших пороков, «онтологических недугов» А. Шопенгауэр относит интеллектуальную ограниченность большинства представителей ученого мира. Она выражается, по его мнению, в предельной, и, можно сказать, тотальной узкой эмпиричности мышления, склонности к фактографизму хтонически-теллурической направленности. Это выступает прямым следствием имманентной приземленности мировоззрения членов «республики ученых», занимающихся исключительно релятивистским экзистенциализмом – примитивной описательностью внешних свойств явлений и их бесчисленных комбинаций по взаимодействию. «Учащиеся и образованные всех родов и всякого возраста, – писал Шопенгауэр, – обыкновенно ищут только *знаний*, а не *понимания*. Все их честолюбие направленно на то, чтобы иметь сведения обо всем, обо всех камнях, или растениях, или битвах, или опытах, в особенности же обо всех книгах. Что знание есть не более как *средство* для понимания, само по себе имеет мало ценности, или не имеет никакой, это им не приходит в голову…» [6, т. 5, с. 371].

Действительно, если окинуть взором все интеллектуальное пространство, посмотреть, как проходят и как построена работа многочисленных конференций, симпозиумов, коллоквиумов и других «академических площадок», призванных содействовать и всячески продуктивно углублять научно-исследовательскую коммуникацию, предполагающую не просто обмен опытом,

жонглирование уже известными или даже новыми эмпирическими данными, а теоретико-методологическую анагогию, восхождение к кардинальному решению тех или иных проблем, то нас ждет горькое разочарование в безнадежной утопичности и абсолютной недостижимости поставленных научным сообществом целей.

Вместо постановки вопроса о сущности, происхождении/ генезисе, и – соответственно на основе этого – праве на существование того или иного института власти, общества, каждый участник подобного форума ограничивается лишь презентацией своей «порции фактов», затрагивающих лишь отдельный, локальный участок социокультурной действительности, каждый компонент которой рассматривается как ***исторически (а на самом деле – историцистически)*** «узаконенная» данность, не подвергающаяся сомнению, как и все, что стало продуктом хронической энтропии – хаоса экзистенциально-онтологического становления.

По поводу подобной спекулятивной легализации с помощью эмпирической синергетики, основанной на интеллектуальной близорукости адептов всех, даже в корне абсурдных изменений, объявляемых якобы необходимой реакцией на «вызовы времени», и возмущался Шопенгауэр, иронически заметивший, что «чистая эмпирия относится к мышлению, как процесс еды – к пищеварению и ассимиляции. Когда она хвалится, будто она одна своими открытиями продвинула человеческое знание вперед, то это можно сравнить с тем, как если бы рот захотел хвалиться, что это он один изготовляет ткани человеческого тела» [6, т. 5, с. 385]

В силу этого неудивительно, что за внешней монологичностью, ритуальной коммуникативной солидарностью при проведении научно-исследовательских форумов в реальности скрывается отчужденность, неудовлетворенность от низкой гносеологической результативности, становящейся прямым следствием конформистского конвенционализма – приводящего к самоцензуре – добровольно-принудительным ограничениям в степени радикальности и завершенности суждений и умозаключений, останавливающихся в публикациях на уровне паллиативов-компромиссов.

Почти все участники подобных мероприятий, как верно отмечает А. Шопенгауэр, «медиатизированы, что видно уже по их бесхарактерному стилю», и если редкие, исключительные натуры, еще пытаются демонстрировать духовную автономию, то «что касается умственной черни, опутанной всяческими ходячими мнениями, авторитетами и предрассудками, то она подобна народу, который молча повинуется закону и приказу» [6, т. 5, с. 385].

Кроме того, серьезным препятствием на пути к гносеологической проницательности, умозрению истины является то печальное обстоятельство, что большинство представителей «республики ученых» совершенно не выходит за пределы строго очерченной профанической ирреальности, сотканной из понятий, терминов, клишированных оборотов и формализованных правил и схем их изложения и сочетания, то есть, иными словами, «узкое пространство их головы наполнено традиционным материалом», а научное мышление в этом случае – лишь «простое перетасовывание уже законченных готовых понятий, разделение и соединение их, как это делается в уравнениях с алгебраическими величинами» [6, т. 6, с. 172,186].

Механистичность и искусственность творений многих «ученых интеллектуалов» Шопенгауэр связывает не столько с узостью кругозора, оковами «профессиональной специализации», сколько, прежде всего, с глубокими внутренними причинами: идейной бесплодностью, примитивностью духовной организации, обусловленной трансцендентальной наследственностью, вынуждающей «плебея-филистера в науке» маскировать свое интеллектуальное ничтожество, полное отсутствие способности суждений, которой у него имеется не больше, чем «производительной силы у кастратов» [6, т. 5, с. 353], с помощью имитации мнимой проницательности и глубокомыслия, достигаемых в ходе перманентного конъюнктурного фланирования – приверженности тем «истинам», вернее их частно-партикулярным суррогатам, которые объяв-

ляются актуальными на текущий момент времени.

Важным индикатором, показателем не только культуры мышления, но, прежде всего, подлинности намерений и побуждений автора, ученого-писателя, которому действительно есть, о чем поведать читателю, поделиться соображениями о сущности мироздания, выступает стиль, который, как справедливо считает Шопенгауэр, является «физиономией духа». Если «каждый истинный мыслитель всегда старается выражать свои мысли так чисто, ясно, определенно и коротко, как только возможно» [6, т. 5, с. 399,401], то «бездарность принимает все формы, чтобы только укрыться в них; она прячется в высокопарности, в напыщенности, в тоне превосходства и чванства и в сотне других форм» [6, т. 5, с. 406].

Особые патологические формы «вербальная акробатика» принимает в философии, ставшей еще в эпоху Шопенгауэра, благодатной ареной для гипостатических мистификаций. Технологии гипостазирования, создания понятий-симулякров, распространенные у средневековых схоластов, убежденных в существовании врожденных понятия/идей, «готовых универсалий», были унаследованы и философией Нового времени. «И вот, например, – с возмущением писал Шопенгауэр, – с бесстыдством грубой необразованности всюду и без обиняков говорят о *моральной свободе,* как о решенном и даже непосредственно достоверном факте, равным образом, о бытии и сущности абсолюта, как о чем-то само собою разумеющемся, а также о *«душе»*, как о всем известной особе…» [6, т. 4, с. 130], а о господе боге – «как о старом знакомом, не нуждающимся в рекомендации» [6, т. 4, с. 131]: «Так на каждой ярмарке и появляется какая-нибудь новая метафизика, состоящая из пространного повествования о Господе Боге, разбирающая, что он, собственно, такое и как он пришел к тому, чтобы сделать, родить или как-нибудь иначе сотворить мир, – подумаешь, будто они [лжефилософы и прочие] каждое полугодие получают о нем свежие бюллетени» [6, т. 4, с. 141]. И вся эта демагогия облекается в соответствующий помпезно-громоздкий стиль, единственная цель которого – имитация отсутствующей учености и знаний о предмете. «Конечно, тяжело слышать пение хрипящих, смотреть на пляску хромых, но внимать философствованию человека ограниченного – это просто невыносимо». – писал по этому поводу Шопенгауэр. [6, т. 4, с. 123].

В немецком интеллектуальном сообществе, да и в «республике ученых» вообще на протяжении всех времен, наблюдается тотальное господство людей не просто заурядных, как любил выражаться Шопенгауэр, «дюжинных голов», но, самое главное, бесхребетных по своей внутренней природе индивидов, утилитаристов-прагматиков с практически полной атрофией или максимальной анестезией под влиянием доминирующего материалистического инстинкта и тщеславных амбиций, морально-нравственных ценностей, чувств и ориентиров, для которых «их наука – это средство, а не цель. Поэтому они никогда не сделают в ней чего-либо великого». «Немецкий ученый, – продолжал Шопенгауэр, – правда, еще и слишком беден, чтобы позволить себе быть честным и добросовестным. Изворачиваться, вилять, приспосабливаться, скрывать свои убеждения, учить не тому и писать не то, во что веришь, пресмыкаться, льстить, быть партийным, состоять в кумовстве, ставить выше истины и чужих заслуг министров, сильных мира сего, коллег, студентов, книготорговцев, рецензентов – словом, всех и все – вот путь его и образ действий». [6, т. 5, с. 375].

Именно предательство благородной миссии ученого, мыслителя, которая оказывается променянной на экзистенциальное лицедейство ради конъюнктурного псевдо триумфа и славы – является, как справедливо полагает Шопенгауэр, главной трагедией всего гносеологического маршрута человечества, планомерное продвижение по которому неумолимо замедляется в силу изощренных препятствий, чинимых инертно-реакционным большинством, бесформенной массой карьеристов, не только не желающих наступлению торжества истины, здравого смысла, но и всяческими способами и методами старающихся заглушить, подавить, «заживо похоронить» [6, т. 5, с. 358] талант, живой и независимый ум, стремя-

щийся к «имперской непосредственности» [6, т. 5, с. 385] суждений, поскольку его появление, светоносное присутствие «чистого субъекта познания», коим является гений или, по крайней мере, приближающихся, тяготеющий к этому уровню мыслитель, представляет собой серьезную угрозу для конвенционалистского спрута, заинтересованного в доминировании навязанной их усилиями дискурсивной матрицы.

Поэтому, как резонно заключает Шопенгауэр, «несчастье интеллектуальных заслуг в том, что им приходится дожидаться, чтобы стали хвалить хорошее те, кто сам производит только плохое…» [6, т. 5, с. 352], а «великие гении, безразлично, в поэзии, философии или искусствах, во все времена стоят в силу этих злосчастных свойств человеческого рода как разъединенные богатыри, одни выдерживая отчаянную борьбу против целых полчищ… Ибо тупость, грубость, извращенность, вздорность и скотство очень и очень значительного большинства человеческого рода вечно борются с ними во всех родах творчества и искусствах, образуя те враждебные полчища, которым в конце концов покоряется гений…» [6, т. 5, с. 365].

Рассуждая о структуре, своеобразной морфологии интеллектуального, творческого сообщества, что можно вполне репрезентативно экстраполировать и на «республику ученых», в недрах которой встречаются аналогичные типы личностей, Шопенгаэур приходит к выводу о имманентном, надвременном, метаисторическом существовании социально-интеллектуальной иерархии, каркас которой составляет три уровня, отражающие степень и глубину мышления, приближения к познанию общего и существенного, осуществляемый гением, «профессионалом-специалистом», («ученым филистером») и простым обывателем. Так вот гений, согласно Шопенгауэру, заключается в познании идей. ***«Гениальные люди,*** – пишет он, *созерцают* предметы». Людям негениальным, ***профаническим ученым*** интересны «лишь отношения предмета к другим, и, в конце концов, к собственной личности». Наконец, «плоские и пошлые ***филистеры*** характеризуются даже прямой противоположностью созерцания – *высматриванием*», [6, т. 6, с. 165], иными словами, «простой филистер хочет наделить жизнь некоторого рода бесконечностью, безусловностью и старается ее проводить так, как если бы она не оставляла желать ничего лучшего». Впрочем, в реальности ненамного отличается от низшего типа ученого и средний – ***«ученый филистер»***, единственное превосходство которого над обывателем в том, что он растворяется в эмпирической реальности и погружается в тривиальное описание чистой экзистенции «на основе принципов и методов» [6, т. 6, с. 196], тем самым, выполняя свое функциональное предназначение в общей корпорации «профессоров философии», использующих научное поприще как трибуну для самопрезентации любой, даже самой аморально-преступной ценой, пользуясь привилегиями, даруемыми степенями, регалиями или полномочиями рецензента, не стесняющегося отправлять претенденту на публикацию в том или ином периодическом журнале грубо сфабрикованную отповедь, состоящую исключительно из субъективно-индивидуалистических измышлений: «это происходит оттого, – разъяснял Шопенгауэр, – «что рецензенты – такие же невежественные господа, а может быть, и кумовья издателей и редакторов. И трусливая низость свила себе прочное гнездо в немецкой (как и в любой другой – К.Ю.) литературе». [6, т. 5, с. 377].

По причине такой конвенционалистско-корпоративной самодостаточности, сегрегации на «своих» и чужих» в Новое время «серьезная философия Канта постепенно вытеснялась шарлатанством Фихте, эклектизмом Шеллинга и противно слащавым ханжеским вздором Якоби». [6, т. 5, с. 353]. Но, конечно, главным идейным противником, настоящим врагом философии и всякого познания вообще Шопенгауэр считал «отвратительного, бездарного шарлатана и беспримерного бумагомарателя» [6, т. 2, с. 58] Г.Ф. Гегеля, выступающего идеальным примером, апофеозом филистерства в науке, пораженной вирусом ***спиритуалистических спекуляций*** – обскурантистским учением об «абсолютном духе». «Дух? – возмущался Шопенгауэр. – «Кто же этот малый? И откуда вы его знаете? Не есть ли он

только произвольное и удобное олицетворение, которое даже не определяете, не говоря уже о дедукции и доказательстве? Или вы думаете, что перед вами собрание старых баб?» [6, т. 4, с. 130]. Поэтому вполне оправданным представляется решающий вердикт, который выносит Шопенгауэр литературно-философской продукции, восходящей к ***«гегельянщине»*** – «этой наглой лжемудрости, которая вместо подлинного, обдуманного и добросовестного мышления и исследования видела философские метод в ***диалектическом самодвижении понятий*** и воздвигало, иными словами, какой-то объективный *мыслительный автомат»* [6, т. 4, с. 126]. «Разумнее было бы, – советует Шопенгауэр, – не интересоваться тем, что эти люди выносят на рынок, чтобы чем-то казаться, – разве только объявить писания Гегеля лекарственными и держать их запас в аптеках как психически действующее рвотное: возбуждаемое ими отвращение действительно вполне специфично» [6, т. 4, с. 25].

Главная угроза со стороны «филистеров в науке», которую как справедливо полагает Шопенгауэр, – опасно недооценивать, заключается, не в локальных агрессивных атаках со стороны морально разложившихся завистников из числа посредственностей, хотя, конечно, они играют свою губительную роль, жестоко травмируют тонкую и ранимую, утонченную психофизиологическую конституцию гения, но, прежде всего, в массированном медиативном эффекте, когда псевдонаучная литература полностью заполняет все информационное пространство, все академические, коммуникативные каналы, поскольку такого рода продукция тиражируется, распространяется в глобальном масштабе, господствующие и признаваемые теории и концепции ретранслируются сообразно синергетическому эффекту, происходит самодвижение легализованных идейно-теоретических установок: «… книжных дел мастера, составители учебников, заурядные историки и т.п. берут свой материалы непосредственно из книг; отсюда он переходит прямо в пальцы, не подвергаясь в голове хотя бы только осмотру и взысканию транзитной пошлины, не говоря уже о какой-то переработке (как учены были бы многие, если бы знали все то, что написано в их собственных книгах!). Поэтому-то и смысл их болтовни часто неясен, что, как ни ломаешь голову, не разберешь, что, собственно, они думают. ***Они просто не думают вовсе!»*** [6, т. 5, с. 388].

Чтобы убедиться в предельной беспристрастности и правоте франкфуртского мыслителя, достаточно вернуться в новейшее время, современную нам эпоху и посмотреть, как обстоят дела на идейно-теоретическом пространстве исторической и философской наук, продолжающих воспроизводить как вековые заблуждения, так и навеянные ближайшим ходом исторического становления эквивокации.

По-прежнему, совершенно без изменений со времен Шопенгауэра, ***прогресс,*** подлинным критерием которого может выступать только качественное преображение человеческого духа, сознания, морально-политический этос, связанный с верностью *должному* – метафизическим ценностям и идеалам – умеренности, благоразумию, дисциплине, осмысленности бытия, остающегося в пределах эманации внутренней сущности каждого компонента онтологической ойкумены, выступающих гарантами органичного сосуществования, коэкзистенциальности – подменяется ***прогрессизмом*** – бессмысленным и абсурдным умножением материально-вещественных форм, одержимостью экономикой, что вырождается в настоящий психоз новизны, *«цивилизацию становления»* [10], лишенную прочных основ, конструктивной телеологии.

Далее, ***историзм***, предполагающий изучение прошлого в ретроспективе и обращение к конкретно-исторической реальности не из праздного любопытства, а для решения вопроса о том, какие формы бытия являются анахронизмом, преходящими по своей специфике институтами, выступающими коррелятами-продуктами общественного сознания данной эпохи, а какой опыт еще может считаться востребованным и актуальным, оттесняется ***историцизмом*** – философией «свершившегося факта», когда происходит оправдание и легализация лево-экстремистского произвола, всего, что одержало победу силовым, военно-революционным путем. Не менее действен-

ным инструментом выступает и использование практики ***«двойных стандартов»*** – навешивания идеологических ярлыков, обвинений в «реакционности», «отсталости» на неугодных оппонентов из противоположного лагеря, которым неблагоприятная конъюнктура, тенденциозная цензура, препятствует полноценной защите и аргументации своих воззрений.

Так, до сих пор научный атеизм как адекватная реакция, неприятие религиозных мистификаций и спекуляции человеческим сознанием неправомерно отождествляют с советским воинствующим идеологическим движением и кампаниями, дискредитировавшими себя насильственными действиями против служителей культа; даже в научной историографии до сих пор не проведено должное размежевание между национал-социализмом и фашизмом как двумя идейно-политическими вариациями, ответвлениями широкого фронта «консервативной революции» – идеологии «Третьего пути» в чистом виде, стоящей вне всяких партийно-парламентских флуктуаций и диктаторского волюнтаризма.

Многие даже современные отечественные исследователи вслед за своими советскими предшественниками продолжают неправомерно использовать понятия «германский фашизм», «фашистская Германия», истолковывая фашизм либо в собирательно- расширительном значении как общее обозначение преступлений против человечества и насильственных акций, либо полностью воспроизводят положения марксистской историографии. И целиком опираются на данное еще на XIII пленуме исполкома Коминтерна классовое определении фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала» [8;9]. Тем самым, конструктивная научная критика фашизма, национал-социализма как серьезных не просто политических, а идейно-мировоззренческих феноменов, опирающихся на традиции консервативной парадигмы, полностью подменяется искусственно и пристрастно возведенными концептуальными конструкциями – штампами левой историографии, разоблачающий пафос которой нередко принимает характер инфантильных пасквилей в стиле «социалистического трубадура» Эриха Вайнерта, который «полностью дистанцировался от даже элементарного анализа того идейного течения, к которому он примыкал и с которым себя идентифицировал» [2, с. 67], словно не замечая все трагические последствия преступной левоэкстремистской практики по уничтожению культурных ценностей, объявляемых «буржуазными пережитками», терроризма по отношению к отдельной личности и целым социальным группам, интеллигенции, не впавших в идеологическую аффектацию и поэтому сохранивших иммунитет против коммунистических галлюцинаций, информационно-когнитивной диверсии, связанной с насильственным внедрением мифа о якобы неизбежном наступлении новой социальной утопии – «диктатуры пролетариата».

Наконец, еще одним опасным и серьезным препятствием на пути к объективному познанию и оценке действительности выступает ***партикуляризм*** – национально-этнического, конфессионального и иного рода, когда истина подменяется дискурсами-эквивокациями – частно-индивидуалистическими установками и «законами»-модусами мышления, локально-местническими приоритетами и идеологической догматикой.

Но особо угрожающие масштабы, как показывает весь ход истории, в том числе и современная ситуация на Украине, напряженность всего геополитического пространства, принимает националистический эгоизм, связанный с настойчивой манифестацией и выпячиванием «инаковости», якобы имеющей место быть особой исключительности, что приводит к полной атрофии политической и правовой культуры, игнорировании исторической памяти, а как следствие – агрессивной энтропии, индивидуализму и анархии, закрывающим все перспективы мирного сосуществования, основой которого может выступать единственный принцип – ***интеграции различий***, а не их релятивной разрозненности.

Поэтому, как справедливо считает Шопенгауэр, «патриотизм, если он хочет играть роль в науке, является милостивым

государем, которого надо выгнать вон. Ибо можно ли придумать большую наглость, чем если человек кладет на чашку весов свое пристрастие к нации, включающей его собственную почтенную особу, и ради подобного соображения то искажает истину, то оказывает несправедливость к великим умам чужих наций, чтобы выдвинуть посредственность своей собственной…» [6, т. 5, с. 378].

Но, к сожалению, часто так и происходит, когда ученые, особенно в таких прикладных и производных от историко-философского знания дисциплинах, как политология, социология, психология, не говоря уже о педагогике, заполняют информационное пространство околонаучными субпродуктами, наподобие «инновационных технологий», которые объявляются истинными и полезными только на основании факта их внедрения. Это касается и так называемой «социологии региона», «брендинга-ребрендинга», связанного с семиотическим «конструктивизмом образа территории» и других гипостазов, о которых мы уже упоминали с коллегой в специальной статье, посвященной интеллектуальной патологии в сфере философской гносеологии [12].

При этом немаловажно подчеркнуть, что, безусловно, прав Шопенгауэр и тогда, когда пишет о том, что, несмотря на вышеперечисленные пороки, тем не менее, не стоит недооценивать прозорливость и «интеллектуальную хватку» ученых филистеров, заключающуюся в умении искусно обрабатывать, приспосабливать адаптировать все, если не гениальные, то по крайней мере качественные, ставшие итогом долгой и упорной работы, добросовестного усердия, интеллектуального вдохновения, творения – к своей посредственной наукоподобной интеллектуалистской матрице. «Не надо думать, – предостерегал Шопенгауэр, – что ученые до такой степени слепы, нечувствительны, окостенелы по отношению к истинному и хорошему, что у них отсутствует всякое понимание последнего: […] они, наоборот, обладают самым верным пониманием хорошего и самым тонким тактом по отношению к чужим заслугам, как только они решаются на *плагиат:* тогда они уподобляются воробьям, которые умеют выбирать самые зрелые вишни, и вы с изумлением видите, какие они тонкие знатоки» [6, т. 6, с. 183].

В то же время, время, несмотря на такую удручающую и, казалось бы, полностью безнадежную ситуацию, Шопенгауэр не ограничивался однонаправленной критикой научного сообщества и в связи с этим излагал свои воззрения по поводу возможностей совершенствования академического процесса. В частности, среди необходимых мер, направленных на оздоровление умов, стимулирование гносеологических способностей, он акцентировал внимание на 4 обстоятельствах: 1) психофизиологической зрелости – учащийся университета не может быть моложе 20 лет 2) законодательное освобождение от воинской повинности: «от такого естественного исключения ученых из военной службы армия не может погибнуть; зато уменьшиться количество невежественных учителей и шарлатанов всякого сорта – и это тем вернее, что всякий шаг солдатской жизни действует на будущего ученого деморализующим образом» [6, т. 5, с. 379] 3) научно-исследовательская коммуникация, обеспеченная изучением языков классической древности – латинского и греческого 4) Абсолютный приоритет философского познания, особенно на первичных этапах обучения, что является гарантом служения объективной истине, основанной на своевременно привитой верной идейно-интеллектуальной, мировоззренческой парадигме, сформированном критическом мышлении, предполагающим выработку иммунитета против лженаучных спекуляций. В противном случае, если подобные условия не будут реализованы хотя бы частично, то, как резонно и, самое главное, пророчески заключал Шопенгауэр, «вновь наступит варварство, несмотря на железные дороги, электрические провода и воздушные шары» [6, т. 5, с. 378].

Собственно, стремительная инволюция, переход от высшего к низшего, торжество профанической экзистенции, подрывного миропорядка, связанного с господством всего внешнего, поверхностного, преходящего, как правило, материалистического, и наблюдается в современной онто-

логической ойкумене, всей своей морфологией и архитектоникой доказывающей полную несостоятельность и банкротство прогрессистского мифотворчества.

Чем более научно-технически оснащенным, экипированным становится человечество, тем, как ни парадоксально, сильнее пробуждаются в нем почти первобытные инстинкты и наклонности, приводящие к возникновению «деструктивной гиперреальности» [1], выступающей своеобразной квинтэссенцией патологии, концентрированной фантасмагорией, иллюстрирующей ничтожество и тщету бытия. «Царство разума», «город солнца», «предустановленная гармония», о грядущем наступлении которых писали М.Ж.А.Н. Кондорсе, Т. Кампанелла, Г.Ф. Лейбниц и другие, обернулись энтропией, хаосом индивидуалистической вседозволенности, из которой не существует выхода, преодоление его возможно лишь в ограниченных масштабах, поскольку весь мир – это «самопознание воли» [6, т. 6, с. 217], эманация внутренней сущности, в абсолютно доминирующем большинстве случаев – низменной и примитивной, материализованной, объективированной в индивидах с атрофированным чувством морального долга, основанном не на абстрактном «категорическом императиве», а на искреннем внутреннем побуждении – совести – того бесценного качества, которого лишены представители «республики ученых», навсегда, тем самым, закрывающих себе дорогу к объективному познанию сути мироздания. «Не вещь в себе надо объяснять из явления, что всегда обречено на неудачу – заявлял Шопенгауэр, – а наоборот, явление – из вещи в себе. Ты из себя должен понять природу, а не себя из природы. Это мой революционный принцип». [6, т. 6, с. 216.]

Именно к такому неутешительному выводу приходит и подводит нас Шопенгауэр, и это полностью согласуется с его учением о том, что подлинная философия является органичным соединением «метафизики природы» с «метафизикой нравов» [6, т. 6, с. 234], обуславливающих «полную имманентность» [6, т. 6, с. 226] экзистенциально-онтологических констант «развития», научно-интеллектуальное познание ничтожности и тщетности которых должно стать подготовительным этапом для вершины гносеологической эволюции – отрицания воли к жизни: «этот мир представляет собой явление утверждения воли к жизни, – явление, которое имеет свою противоположность в отрицании ее, – и осуществление этого отрицания положит миру конец». [6, т. 6, с. 226].

Библиографический список

1. Зимин М.О., Юдин К.А. Деструктивная «гиперреальность» в современной постмодернистской прозе (на примере романа Иэна Бэнкса «Осиная фабрика») // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2. С. 71-76.
2. Зимин М.О., Юдин К.А. Эрих Вайнерт и «левая» художественная интеллигенция Германии: война, общество, личность в немецкой литературе второй четверти XX века // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 1. С. 60-71.
3. Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998.
4. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. Спб., 2007.
5. Чанышев А.А. Человек и мир в философии Артура Шопенгауэра. Вступительная статья // Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992.
6. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Пер. с нем. / Под. ред. А.А. Чанышева. М., 2011.
7. Юдин К.А. Артур Шопенгауэр как историк философии и некоторые проблемы теории познания // Вестник Ивановского государственного университета. 2016. Вып. 3. Серия «Филология. История. Философия».
8. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эволы и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1. С. 52-62.
9. Юдин К.А. Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем

Рейхе 1930-х гг.: проблемы истории и историографии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4. С. 36-48.
10. Юдин К.А. Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42-48.
11. Юдин К.А., Бандурин М.А. Артур Шопенгауэр и судьба его идейного наследия в истории философии (К 225-летию со дня рождения (1788-2013)) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2013. № 5. С. 26-40.
12. Юдин К.А., Бандурин М.А. Что стало с философией или темные лабиринты познания // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1-2(5-6). С. 32-36.

© Юдин К.А., 2016